

МРНТИ 13.91

<https://doi.org/10.63051/kos.2024.4.347>¹Ошакбаева А.Б. ²Шаймердинова Н.Г. ^{1,2}Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
E-mail: ¹aliyaoshakbaeva@gmail.com, ²nurila1607@mail.ru

ПРОБЛЕМА «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация. Статья представляет собой анализ и исследование проблемы "своих и чужих" в контексте культурной антропологии. Новизной статьи является анализ оппозиции «свой-чужой» через призму сравнения и сопоставления казахской и японской культур. Задачей данного исследования является рассмотрение этого вопроса как важный аспект изучения социокультурных взаимоотношений, идентичности и взаимодействия между различными группами общества в потоке мировых исторических процессов. Цель настоящего исследования – провести глубокий обзор этнических, территориальных, социальных, религиозных и культурных аспектов формирования представлений о "своих" и "чужих" казахского и японских народов. В данной статье были использованы общенаучные такие методы, как культурно-антропологический, историко-сравнительный метод, также структурный анализ. Результаты, изложенные в данной статье, подчеркивают необходимость всестороннего понимания взаимодействия между "своими" и "чужими" в различных культурных условиях. Это понимание поможет способствовать принятию многообразной социокультурной интеграции, будет способствовать развитию более инклюзивного и терпимого общества и улучшит наше понимание того, как эффективно управлять отношениями между различными группами.

Ключевые слова: свои и чужие, культурная антропология, универсализм, межкультурная коммуникация, ритуалы и традиции, казахская культура, кочевой образ жизни, Япония, японская культура, иностранное.

Введение

Культурная антропология охватывает широкую область, которая пересекается с этнологией, этнографией и культурологическими исследованиями. Кроме того, часто очевидна ее тесная связь с философией. Культурную антропологию часто считают важной дисциплиной, которая изучает особенности культур стран в рамках гармонизации культурного взаимодействия. Этнология и этнография являются важнейшими компонентами культурной антропологии, в первую очередь направленными на изучение образа жизни первобытных и дикарских обществ. [Полосин, с.13]

Происхождение культурной антропологии связывают с эволюционизмом, который был основан английским этнологом и культурологом Э. Тэйлором (1832–1917 гг.), являвшимся одним из первопроходцев в этой области. Также основы эволюционизма прослеживаются во второй половине XIX века в трудах Г. Спенсера, Л. Моргана.

Э. Тейлор утверждал, что все культурные феномены, включая материальные ценности, обычаи и верования, могут быть классифицированы как виды, подобные растениям или животным. Он также обсудил их развитие, подчеркнув, как они растут и эволюционируют друг от друга. Он отстаивал необходимость категоризации культурных явлений на основе их типов, построения эволюционных прогрессий от самых простых до самых сложных видов и наблюдения за их развитием. Этот процесс включает постепенную замену менее развитых видов более продвинутыми. Тейлор верил, что между всеми людьми существует неразрывная связь и что их культурное развитие на сопоставимых этапах эволюции

однородно. Все люди и общества взаимосвязаны в едином, непрерывном и прогрессивно развивающемся цикле.

Тейлор признал, что в сфере культуры существуют не только универсальные элементы, применимые ко всем обществам, находящимся на разных этапах развития, но и отдельные элементы, характерные исключительно для определенных этнических групп. Идея Тейлора перекликается с концепцией современной этнографии, целью которой является изучение как общих, так и отличительных характеристик многих культур. Тейлор пришел к выводу, что культурная эволюция проявляется не только в ее автономном развитии, но и в воздействии исторических событий и различных ассимиляций. Английский исследователь утверждал, что, хотя в рамках культурно-исторического процесса могут иметь место случаи культурного регресса, общая траектория культурной эволюции представляется прогрессивной. Докладчик подчеркнул важность сохранения исторических связей для сохранения достижений прогресса. Культурный рост нации в значительной степени распространяется на многие регионы мира, тем самым способствуя сохранению культурного наследия человечества, даже в тех случаях, когда некоторые его элементы были утрачены в силу различных обстоятельств.

Тейлор ввел в науку понятие "пережитки", определив их как "живые свидетельства и памятники прошлого", которые демонстрируют взаимосвязь исторического и культурного развития. Эти черты были типичны для предшествующего культурного периода и, благодаря укоренившемуся поведению, были перенесены в последующий, более продвинутый период. В книге "Первобытная культура" приведены многочисленные примеры пережитков. Например, использование деревянного сверла для добывания огня было распространенной практикой среди древних цивилизаций. В настоящее время этот обычай сохранился среди индусов как почитаемый способ разжигания священного огня. Современные азартные игры часто ассоциируются с древней практикой предсказания судьбы [Тейлор].

Представители эволюционизма рассматривают культуру других сообществ как отличную от своей, но они видели это различие как ступени развития в рамках общей антропологической модели, где "чужие" культуры представляют собой более ранние и менее совершенные этапы.

Эволюционизм придерживается трехэтапного принципа классификации культурного многообразия человечества: создание стандартной модели, рассматривающей ее как конечную цель прогресса, и представление других культурных форм как прогрессивных стадий, ведущих к стандартной конечной точке. Эволюционизм вновь обрел значимость в культурологии с середины 20-го века, после периода упадка. Это возрождение можно объяснить научными и эволюционными объяснениями культуры, предложенными Лесли Уайтом.

Основные принципы эволюционизма включают в себя понятие прогресса и стремление к стандартизированному культурному архетипу, что может породить этноцентризм - убежденность в том, что собственная культура и образ жизни человека превосходят другие. В отличие от эволюционистов, "универсалисты" рассматривают культуру "пришельцев" как методологическую норму и воспринимают разнообразие культур как поверхностное, вместо этого сосредотачиваясь на сходстве культурных кодов различных универсалистских наций.

Фундаментальный принцип универсализма можно выразить как "различие, проистекающее из присущего ему сходства". Универсалисты стремятся идентифицировать универсалии, которые являются базовыми и распространенными элементами структуралистского анализа культуры. В предложении предлагается концепция объединения общих рамок культур в противовес понятиям "свой" и "чужой", где конкретные различия рассматриваются как вариации общей универсальности человеческой цивилизации.

Материалы и методы исследования

При написании данной статьи были использованы главным образом публикации различных авторов, в число которых вошли как казахстанские, так японские и западные исследователи. В данном исследовании рассматриваются различные теоретические основы для изучения дихотомии «свой-чужой». Также в работе исследуются аспекты, способствующие развитию представлений о "нас" и "них". Акцент делается на вопросах, касающихся межкультурного понимания. *Культурно-антропологический метод* исследования, использованный в статье, который исследует проблемы взаимодействия культур и поведение индивидов в рамках различных культур, доказал свою высокую эффективность в области гуманитарных наук. В процессе работы был использован анализ антропологических материалов, изучение письменных источников. Этот метод прежде всего включает в себя многоуровневые исследования, на которые оказывают влияния различные аспекты, как культурные, этнические, территориально-ареальные, религиозные и т.д. Также был использован *историко-сравнительный метод*, при котором анализировались культурные различия или сходства японцев и казахов и изучались факторы, повлиявшие на эти отличия и общности. Кроме того, в статье в анализе проблемы «своих» и «чужих» автор исходит от общего понимания проблемы к частному данной оппозиции в культуре казахов и японцев, используя *структурный анализ*.

Обсуждение

Проблема "своих" и "чужих" очевидна в трудах древних мыслителей Платона и Аристотеля. Проблема "чужого" возникла в философских дискуссиях в 20 веке. Философия, для которой характерны феноменология и экзистенциализм, сформулировала идеи относительно концепции Другого, Чуждого и Потустороннего. В области западной философии в современную эпоху концепция "чужого" рассматривалась такими выдающимися мыслителями, как Ж.-Ж. Руссо, И. Кант и И. Г. Фихте. З. и другие ученые также исследовали этот вопрос. Фрейд, К. Юнг, Э. Эриксон, С. Кин, В. Харл, М. Пикеринг и другие.

Дихотомия между "своим" и "чужим" и ее составляющие элементы часто привлекают интерес исследователей идентичности. Концепция коллективной идентичности рассматривается в различных научных областях и теоретических рамках. Представители различных гуманитарных дисциплин продемонстрировали значительный интерес к вопросам, связанным с идентичностью. Идентичность рассматривается не только как социальный конструкт, но и как сложный и многомерный психологический феномен. Хьюм изложил свою концепцию идентичности, утверждая, что она не только происходит "внутренне" от личности индивида, но и находится под влиянием "внешних" социальных факторов, таких как имя, репутация и знаменитость.

К числу известных исследователей, значительно продвинувших теорию идентичности, относятся З. Фрейд (за введение концепции идентификации), Э. Эриксон (за проведение различия между коллективной и индивидуальной идентичностью и исследование позитивных и негативных аспектов выражения идентичности) и К. Юнг (за анализ концепции коллективного бессознательного и архетипа героя).

Понятие "свой-чужой" изучалось и продолжает изучаться в различных областях гуманитарных наук, включая философию, социологию, лингвистику, религиоведение и политологию. Группа ученых сосредоточилась на изучении роли "друзей и незнакомцев" и ее составляющих, таких как изображение врагов и героев, в своих работах. Они уделили особое внимание изучению того, как эти элементы способствуют функционированию коллективной идентичности и общества в целом, а также закономерностям, связанным с их развитием. В. Харле и С. Они внесли свой вклад в понимание концепции "Друзей и

незнакомцев", а также в изображение "Врага". Кин, исследование М. Пикеринга сосредоточено на понятии "Другой" и его стереотипизации. К. Р. и К. Спиллман анализируют теоретические подходы к оппозиции "Свой-чужой". Р. Стихве рассматривает особенности функционирования "чужого" и его амбивалентную сущность. О. В. Рябов исследует роль соотношения "свой-чужой" в национальной идентичности и тенденции в тендерном дискурсе при создании оппозиции. Гудков исследует значимость и специфику образа врага в российском обществе на основе социологических данных. В. Г. Туркина изучает основные модификации образа героя. Все эти исследователи внесли свой вклад в данный блок исследований.

Ю. В. Балакин, И. А. Кривелев, С. А. Токарев и П. А. Флоренский обратились к теме религиозных конфликтов. В работах Б. Рассела и К. Поппера исследуется взаимосвязь между религией и тоталитаризмом, особое внимание уделяется историческому развитию тоталитаризма от Платона до XX века.

В наше время все чаще можно наблюдать обострение напряженности в глобальных дипломатических отношениях. Проблема "друга и врага" имеет большое значение в сфере политических споров, транстехно-социальных отношений и межрелигиозных баталий. Как известно в настоящее время существуют различные миры, таких как европейский, арабский, африканский, славянский, тюркский и т. д. В свою очередь эти миры имеют свои различия, которые проявляются в таких аспектах, как: этнический, территориально-ареальный, религиозный, политический, экономический, культурный, социально-бытовой, гендерный, возрастной. Также важно отметить, что существуют различия и по языку, традициям, типу поведения, ритуалам, этикету и многим другим аспектам, которые формировались под влиянием различных локальных и глобальных мировых процессов.

Дуализм мышления, выраженный в культуре через понятие, как "свой – чужой" породил структурные параллели, такие как "Запад – Восток", "традиционное – современное", "мужское – женское", «этот мир – потусторонний мир» и так далее. В последнее время стало принято заменять термин "чужой" на "другой", говоря тем самым, что феномены из различных культур могут быть восприняты как отличные от собственных, но не обязательно противопоставленные им. Это новое отношение подчеркивает важность коммуникации между различными культурами.

Изучая исторические данные, мы можем наблюдать постоянный конфликт между понятиями "свой" и "чужой", который проявляется в различных аспектах человеческой жизни, включая войны, колонизацию и миграцию. Концепция "свой-чужой" последовательно пронизывает многие аспекты человеческого существования [Фельде, с. 3]. Этот конфликт возник на заре существования человечества и сохраняется в обществе на протяжении бесчисленных тысячелетий.

В современной культуре все чаще можно наблюдать проблему самоопределения человека. Осознание собственной идентичности достигается путем определения границ идентичности другого человека, и наоборот. В этом контексте уместна идентифицирующая функция оппозиции "свой-чужой" [Курнаева, с.1]. Изображение "чужого" и соответствующее отношение к нему иллюстрируют особенности культуры. Интеграция и глобализация происходят в контексте современной массовой культуры, которая стирает различия и идиосинкразии, стирая грань между "своим" и "чужим". Одновременно эти мероприятия создают проблему сохранения национальных культур и традиций, подчеркивая необходимость наличия дихотомии "свой-чужой" [Курнаева, с. 2].

В контексте этнических отношений важно отметить известного исследователя этнолингвистики А. Герда, который утверждал, что этнос - это структурированная система, управляемая различными факторами, включая биосферу, климат, ландшафт; антропологический тип, расовые различия; географический район, когнитивные рамки,

эмоциональные связи; материальную культуру; духовную культуру; традиции, обычаи, коллективная память; образ жизни, lifestyle; поведенческие модели, этикет; и самосознание [Герд, с. 54]. Гумилев утверждал, что основным фактором, определяющим "этническую идентификацию", является взаимодействие эмоций и стереотипа поведения. "Англичанин - это тот, кто демонстрирует английское поведение, в то время как ирокез - это тот, кто демонстрирует ирокезское поведение". Целенаправленное получение этих знаний недостижимо; вместо этого они усваиваются в детстве, и их получение не зависит от происхождения человека" [Гумилев, с. 128].

Одна из главных задач культурной антропологии - распространять знания и способствовать пониманию местных этнических культур как ценных образований, отличающихся своей самобытностью. Интересно собрать информацию о пагубных последствиях для этнических культур, возникающих в результате безрассудной эксплуатации их ресурсов. Это включает в себя разрушение архитектурных памятников и других форм материальной культуры, что в конечном итоге приводит к размыванию культурной и этнической идентичности среди представителей этих этнических групп.

В настоящее время, по мере развития культурных связей между нациями и государствами, их взаимодействие становится все более интенсивным. Это привело к возникновению отдельных культурных процессов, отличных от общечеловеческих. Глобализация также породила новый тип коммуникационного пространства, где создаются различные формы культурной идентичности и происходят различные процессы взаимного культурного влияния.

«Оппозиция свой-чужой лежит в основе всех человеческих культур, как существующих в настоящее время, так и известных по историческим источникам. Более того, именно эта оппозиция, вероятно, и была в свое время призвана сыграть решающую роль в возникновении человеческого самосознания. Человек первоначально осознал себя одним из членов группы «своих» в противопоставление другим группам – «чужим», и лишь намного позднее стало возможным возникновение индивидуального самосознания отдельного человека» [Дубоссарская, с. 49].

В настоящее время, несмотря на сохраняющиеся тенденции к смешению и необходимость взаимодействия, между различными этническими группами существуют конфликты и многочисленные препятствия. Задача установления мирного межкультурного взаимодействия еще не полностью реализована на практике, несмотря на растущий объем исследований в этой области. Изучение межкультурных связей является постоянной работой, и сохранение культурной самобытности в процессе интеграции становится серьезной проблемой. Дихотомия между другом и врагом является фундаментальным аспектом всех человеческих культур, как современных, так и зафиксированных в исторических документах. Более того, именно этот конфликт, вероятно, сыграл решающую роль в развитии человеческого сознания. Индивид сначала идентифицирует себя как часть определенной группы, отличая ее от других групп, считающихся "иностранными". Только позже становится возможным развитие индивидуального самосознания.

Результаты исследования

Проблема "своих и чужих" рассматривается в нескольких аспектах культурной антропологии, охватывая все ее формы и на протяжении всего исторического развития. Можно более подробно изучить проявления этого антагонизма, изучив традиционную казахскую и японскую культуры и выявив наиболее характерные признаки этого противостояния.

При рассмотрении традиционной точки зрения казахского народа становится очевидным, что они рассматривали горизонтальное пространство как свое собственное и

окупированное, в то время как далекие земли или земли, принадлежащие другим племенам, рассматривали как незнакомые или чужие. Контраст между "своим" и "чужим" был показан через взаимосвязь между действиями человека и конкретной географической областью. Удаленное географическое положение определенной территории также делало ее незнакомой или чужой в восприятии людей. Этот контраст распространен в культуре кочевников и служит важнейшим элементом в понимании окружающей среды и развитии самосознания.

Кочевой образ жизни, характеризующийся исследованием и освоением обширных степных регионов и соблюдением временных циклов, способствовал мирному отношению к окружающей среде. Традиционное мировоззрение казахов, основанное на пространственных контрастах, проявлялось как в их ритуальных, так и в повседневных практиках. Во время миграции и освоения территории территория была очищена от воздействия сточных вод, а скот после зимовки был загнан между двух огней. Во время ритуальных церемоний имитация внешности "инопланетянина" использовалась для воссоздания образа первоначального состояния беспорядка. Это достигалось, например, искусственным сгибанием ноги жертвенного животного для имитации хромоты в рамках обряда, известного как "молитва горам".

У казахского народа традиционно отношение человека к «своему» или «чужому» определялась родовой-племенной принадлежностью, что нашло отражение в традициях, обрядах, нормах поведения и также этикете. Эти показатели являлись демонстрацией социально-бытовых взаимоотношений между членами общества. Если рассматривать в более широком контексте, то это проявлялось в этикете при налаживании отношений с чужаками, процессе приобщения и привыкания невесты из другого рода к семье супруга, а также в "очеловечивании" новорожденных и прочих обычаях. При рассмотрении данного вопроса более узком контексте, часто на первый план выходят различия, сформированные между разными социальными группами, такими как возрастные и гендерные, где, например, женщина отождествляется с понятием "чужая" относительно мужчин своего рода [Сайкенева, с. 247].

С древних времен у казахов индивидуальное пространство выделялось границами, такими как порог или коновязь, либо окружалось обширными природными элементами, такими как гора или река. Эти граничные зоны приобретали особую сакральность. Кроме того, отмечается, что в тюркских общинах ритуалы, относящиеся к различным этапам жизни, как правило, имели символическое значение, поскольку они были направлены на достижение определенного положения в обществе. Ритуалы присутствовали на протяжении всей жизни человека, начиная с рождения и заканчивая его похоронами. Эти ритуалы имели структуру, напоминающую понятия "свой" и "чужой" в пространственных координатах модели мира [Сайкенева, с. 248]. Ключевые элементы ритуалов, такие как рождение, брак и смерть, связаны с легендарным происхождением Вселенной. В эти переходные периоды люди вступают в царство святости, где предметы приобретают уникальное значение. Однако этот этап также сопряжен с риском возникновения возможной опасности, поскольку он может нарушить сплоченность общества.

Рассматривая контраст между "другом и врагом" в японском обществе, важно понимать, что японская культура включает в себя сложную систему религиозно-философских, этических, эстетических, социально-политических идей и ценностей. На природу региона влияют как местные, так и континентальные факторы, которые складывались на протяжении многих столетий в результате взаимодействия с различными цивилизациями [Бишарова, с. 3].

Япония расположена на изолированных островах, отделенных от остального мира. Введение ограничений на свободу передвижения японцев в Средние века и в новое время способствовало скептическому и настороженному отношению к людям, которых

воспринимали как "иностранцев". Иностранцы считались носителями незнакомых черт. В японской культуре есть два важных понятия, известных как "учи" и "сото". "Учи" относится к тому, что считается собственным или принадлежащим самому себе, в то время как "сото" относится к тому, что считается принадлежащим кому-то другому или находящимся вне тебя. Это различие уже началось между членами семьи Аги и теми, кто не принадлежит к семье Сото. В японском обществе, чтобы получить уважение и заботу от других и достичь respectable социального положения, необходимо было считаться "учи" - то есть принадлежать к группе и быть принятым в нее. В противном случае, если кто-то не знаком с "сото", он просто вызовет презрительное отношение. В современном обществе японцы обычно относят посторонних к категории "сото".

В современной Японии сохраняется настроенное отношение ко всему "иностранному", и японское общество также придерживается вышеупомянутых принципов "учи" и "сото". Только японцы, относящиеся к группе "обучающих", могут доверить свои самые сокровенные секреты. Он ограничивает свои разговоры обсуждением погоды, общаясь с простыми знакомыми. Эти два понятия несовместимы при любых обстоятельствах. Например, японцы, как правило, практикуют притворяться невежественными при встрече с незнакомым человеком. Однако, если незнакомец окажется вашим близким знакомым, поведение японца претерпит значительные изменения. Сохраняется вероятность возникновения скептического отношения к иностранным посетителям, а также к их обычаям и верованиям. Что касается человека, который постоянно проживает в Японии, не имея гражданства, то вышеупомянутое понятие "гайдзин", что означает "чужак", прочно вошло в обиход. Важно отметить, что в настоящее время это понятие имеет негативный оттенок. Обычно это относится к человеку, который плохо знаком с японским обществом, не имеет представления об этикете и незнаком с традициями. К такому человеку следует подходить с осторожностью и бдительностью. Желательно соблюдать безопасную дистанцию, поскольку его намерения и действия непредсказуемы.

Термин "гайкокудзин" появился в 20 веке в результате возросшей миграции из Европы. Оно относится к человеку из другой страны, причем "гай" обозначает внешний или иностранный элемент, "коку" - страну, а "джин" - человека. В идее "гайдзин" персонаж, представляющий "страну", опущен, и вместо него появляется изображение "незнакомца". До этого обозначение "ябандзин" использовалось для обозначения варваров, а впоследствии, в эпоху Мэйдзи (1868-1912), их стали называть "изин", что означало отдельную личность.

В японском языке есть особое понятие, называемое "хайгай", которое означает неприятие всего иностранного. Предположительно, это понятие появилось в результате притока мигрантов, особенно из Китая, которые мигрировали в Японию в 1980-х годах. Этот приток привел к специфическому неблагоприятному восприятию их в обществе.

Согласно историческим источникам, в древней Японии существовало представление о том, что определенные кланы обладают способностью контролировать определенных демонов-животных. Считалось, что эти демоны обитают внутри отдельных людей и потенциально могут вызывать психическую нестабильность или болезни [Йошида, с. 237-262]. Приписывание сверхъестественных свойств "чужакам" может быть вызвано глубоко укоренившимися опасениями и недоверием к чужакам и незнакомым людям в японских сельских общинах. В традиционной японской деревне все люди, пришедшие извне, считались сельскими жителями "чужаками". Сюда входили различные специалисты, такие как кузнецы, плотники, каменщики, кровельщики, ремесленники, торговцы, шаманы, священники, актеры и другие. Согласно традиционным японским верованиям, именно кузнецы и другие искусные мастера обладали сверхъестественными способностями [Такеучи, с. 1942-1945].

Отношение японцев к западным иммигрантам, прибывавшим в Японию с XVI века, было сформировано аналогичным образом. Считалось, что иностранцы обладают целым рядом мистических и сверхъестественных способностей. Португальцы были одними из первых европейцев, посетивших Японию. Согласно японской точке зрения, эти люди происходили из народа, известного как "тендзику". Термин "Португалия" не имел отношения к самой стране, поскольку изначально в японском языке он обозначал древнюю Индию. Тем не менее, это словосочетание также относилось к любым отдаленным местам, таким как горы или зарубежные страны. Португальцы также были среди жителей Тендзику, и они тоже обладали необычайными способностями. Более того, христианство, привнесенное в Японию иностранцами из "тэндзику" в середине 16 века, рассматривалось как колдовство. Когда-то считалось, что христианство оказывает значительное злонамеренное влияние, за что оно получило эпитет "религия тэндзику" [Окада, 1955, pp. 160-161]. У японцев термин "чужой" имеет коннотации, которые выходят за рамки злых сил и включают в себя также и добрые толкования. Незнакомцы, гости, нищие и даже камни, привезенные из других мест, иногда олицетворялись как символы удачи. Вероятно, в Древней Японии это было связано с понятием "маребито". Этот термин относится к божеству, которое время от времени посещает деревни, прилетев с далекой планеты за море, с целью даровать жителям удачу, мудрость и духовное просветление [Оригучи, 1975].

Во многих древних сказаниях рассказывается о странствующих самураях, известных как ронин-моно, или "путешествующие скитальцах" по имени ватаримоно, которые встречают людей, попавших в беду из-за бедствий или кораблекрушений. Эти самураи вмешиваются, чтобы спасти их, а также победить преступников, которые наносят ущерб жизни простых людей. Несмотря на свою необычность, удалось доставить не только живого "незнакомца", но и его умершее тело. В сообществе рыбаков, проживающих на острове Ики на севере Кюсю, существует общепринятая практика, согласно которой любой рыбак, обнаруживший в воде тело умершего, забирает его на свою лодку и затем хоронит в специально отведенном месте захоронения по месту своего жительства. Они верили, что это поможет им в рыбной ловле, поскольку считалось, что каждое безжизненное тело, найденное плавающим в океане, связано с божеством Эбису, родом из далеких стран, которое, как считалось, приносит удачу.

До XVI века Япония в основном взаимодействовала со своими соседними странами, Китаем и Кореей. Следовательно, эти страны, особенно Китай, взяли на себя роль "иностранца" в японском языковом контексте. В эпоху Токугава (1603-1868) в Японии появилось понятие "кокугаку" или "вагаку". Это относилось к изучению всего, что является исключительно японским. Он был создан в противовес "кангаку" - изучению всего китайского. Иероглиф "ва", который обычно ассоциируется с Японией, символизирует мир, гармонию и благополучие. Иероглиф "кан" обычно используется для обозначения династии Хань, символизируя все китайское. Кроме того, существовали "вабун", относящийся к японской литературе, и "камбун", относящийся к китайской литературе.

Стремясь противостоять всему китайскому и сохранить свою культурную самобытность, японцы предприняли энергичную кампанию по отличению "своих" от "чужих", демонстрируя самобытность своей нации, подчеркивая "чистый японский дух" и противопоставляя его менее благоприятному восприятию "китайского духа". среди японского населения.

Исследование культурных и исторических особенностей казахского и японского народов позволяет выявить как сходства, так и различия, обусловленные историко-географическими, социальными и этническими факторами, также важную роль играют ключевые аспекты, такие как генетико-антропологические корни, языковые особенности,

система семейных отношений, ритуальные практики, а также социально-политическая структура.

Казахский и японский народы, несмотря на свои географические и этнические различия, демонстрируют несколько схожих черт, обусловленных их долгой историей миграций и адаптации к специфическим условиям окружающей среды. В обоих случаях наблюдается наследование определённых антропологических признаков, характерных для монголоидной расы, что объясняется сходной историей этногенеза.

Японский этнос относится к группе монголоидных народов, с преобладанием характеристик, типичных для Восточной Азии, которые имеют характерные черты, такие как низкий рост, прямые волосы, темные глаза. Генетическая структура японцев формировалась под воздействием миграций, главным образом из Кореи и Китая, а также особенностей изолированного архипелага Японии. Эти факторы наложили свой отпечаток на культурную и социальную организацию японского общества. Казахский народ имеет более разнообразную генетическую картину, что связано с историей многочисленных миграций и смешения разных этнических групп, в том числе тюркских, иранских и даже славянских народов. Казахи, являясь частью тюркской этнокультурной группы, сформировались в контексте степного кочевого образа жизни, что отразилось на их антропологическом типе и историческом пути.

Рассматривая казахские и японские языковые особенности, куда относятся лексическая структура слов и предложений, как японский, так и казахский язык принадлежат к агглютинирующим языковым семьям, что выражается в наличии развитых систем аффиксации. Это предполагает, что оба языка формируют грамматические значения путём добавления суффиксов и приставок к корням слов, что позволяет строить сложные формы и структуры. Японский язык является изолированным языком с уникальной системой письменности, включающей китайские иероглифы, азбук хирагана и катакана. Он отличается наличием высокоразвёрнутых форм вежливости, которые играют ключевую роль в социальных взаимодействиях. Эти формы отражают сложную иерархическую структуру японского общества, в котором статус и уважение к собеседнику определяют выбор грамматических форм. Казахский язык, относящийся к тюркской языковой группе, также обладает агглютинирующей природой, однако в нем отсутствуют столь выраженные формы вежливости, как в японском языке. В казахском языке важным является выбор лексики и форм обращения в зависимости от социального статуса и возраста собеседника, но в целом система выражения вежливости менее структурирована.

В японской и казахской культурах семья является основой социальной структуры, что определяется как традициями, так и морально-этическими нормами. В японской и казахской культурах существует выраженная приверженность к ценностям коллективизма, уважению к старшим членам семьи и ответственности за благосостояние и воспитание будущих поколений.

Японская культура семейных отношений традиционно строится на принципах патриархата, где старшие члены семьи, особенно мужчины, занимают ведущие позиции. Роль женщины традиционно заключалась в обеспечении домашнего уюта и воспитании детей, однако современные тенденции в японском обществе демонстрируют рост числа женщин, активно участвующих в общественной жизни и карьере. Казахская культура характеризуется более разнообразной семейной структурой, которая часто включает расширенные семьи, состоящие из нескольких поколений. В казахской традиции большое значение придается гостеприимству и взаимопомощи между родственниками. Роль женщины в казахской семье также традиционно связана с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, но в последние десятилетия казахская женщина все активнее участвует в экономической и общественной жизни.

И казахская, и японская культуры традиционно связаны с глубоким уважением к природе, что находит отражение в их ритуальных и символических практиках. В Японии это проявляется в культуре сада, праздниках, посвященных природным явлениям, например: цветение сакуры, а у казахов — в философии гармонии с окружающим миром, основанной на степном кочевом образе жизни. Японская культура развивалась в условиях островной изоляции, что способствовало созданию уникальных форм социальной и культурной организации. Япония не испытывала столь значительных влияний внешних культур, как Казахстан, что позволило ей сохранить и развить специфические ритуалы, этикет и религиозные практики. Центральными ритуалами стали обряды синтоизма, буддизма и чайной церемонии. Казахская же культура, развиваясь в обширных степях, приобрела черты кочевого образа жизни, с присущими ему динамичностью и мобильностью. Здесь важную роль играли родовые и племенные связи. Ритуалы и обряды, такие как обряды в честь духов предков и традиционные праздники, отразились на социокультурной идентичности казахов. Религиозные верования казахов также включали элементы шаманизма, зороастризма и ислама.

Социально-политические структуры как Японии, так и Казахстана долгое время имели централизованный характер, с сильной властью монарха или вождя. В обеих культурах существовали патриархальные и иерархические принципы организации общества, которые оказывали влияние на политическую структуру и социальные отношения. Япония развивала свою социальную и политическую систему в условиях относительной изоляции от внешнего мира, что позволило создать уникальную систему феодальных отношений. Японские самураи и конфуцианские идеалы формировали общественные нормы, а строгая иерархия и уважение к старшим сыграли ключевую роль в поддержании общественного порядка. В Казахстане исторически политическая структура была более гибкой и мобильной. Природа кочевого образа жизни требовала создания более динамичных и временных политических объединений, таких как различные каганаты и ханства, важным аспектом являлись многочисленные миграции, войны и объединения племён.

Можно отметить, что казахская и японская культуры, хотя и имеют ряд сходных черт, таких как агглютинация в языке и важность семьи, значительно различаются по множеству факторов, включая этногенез, историческое развитие, социально-политическую организацию и ритуальные практики. Эти различия и сходства формируют уникальные культурные идентичности каждого народа, которые требуют уважения и понимания в контексте глобальной культурной общности.

Заключение

Подводя итог сказанному, можно отметить, что дихотомия "свой" и "чужой" представляет собой вечное противостояние во все времена существования человечества. В контексте противостояния "своих" и "чужих", прежде всего для древнего общества, "чужими" становились внешние враги, в основном соседствующие государства (борьба за территорию), различия в религиозных верованиях, в социальных взаимодействиях, во внешности, в традициях, нормах поведения, этикете.

В современном же мире этот вопрос может иметь различные аспекты и проявления, в зависимости от контекста. Часто наблюдается уклонение от общественных ценностей в пользу индивидуализма. Люди могут быть сосредоточены на своих собственных интересах, успехе и благополучии, игнорируя нужды других. Глобализация приносит взаимозависимость, но иногда также приводит к утрате чувства обязанности по отношению к чужим проблемам. Люди могут быть слишком заинтересованы в своих национальных или личных вопросах, игнорируя глобальные вызовы.

С другой стороны, в некоторых случаях наблюдается высокий уровень эмпатии и солидарности. Например, в последнее время наблюдается проявление активного участия в решении глобальных проблем, таких как климатические изменения или борьба с бедностью.

Решение проблемы «своих и чужих» в культурной антропологии может потребовать изменения в образе мышления, акцентирование общих ценностей, поощрение взаимопомощи и развитие глобального сознания. Это также может требовать создания более справедливых социальных и экономических систем.

Литература:

Бишарова С.Г. Синтоистские основы традиционной японской культуры. Новосибирск – 2006. 3-27 с. <https://www.dissercat.com/content/sintoistskie-osnovy-traditsionnoi-yaponskoi-kultury> (Дата обращения: 10.09.2023)

Бургин В. Конец теории искусства: Критика и постмодернизм. Atlantic Highlands, NJ, 1986. С. 108.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во С.-Петербург. 2001. 488 с.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера человека. Л.: изд-во Ленингр. Ун-та. 1989. 496 с.

Дубоссарская М.Л. Свой-чужой: к постановке проблемы. Гуманитарное знание: теория и методология. 2009-№4. 49-55 с. <https://cyberleninka.ru/article/n/svoy-chuzhoy-drugoy-k-postanovke-problemy> (Дата обращения: 10.09.2023)

Йошида Т. Мистическое возмездие, обладание духом и социальная структура в японской деревне. Этнология, том 6 (№ 3), 1967. 237-262 с.

Кадзи С., Хама Т, Райс Дж. Эти странные японцы. Москва: Эгмонт Россия Лтд., 1999. - 72 с.

Кин С. Лица врага: отражения враждебного воображения. Сан-Франциско. 1986.

Курнаева Н.А. Свои и чужие в коллективной идентичности: социально-философский анализ. 2006. <https://www.dissercat.com/content/svoi-i-chuzhie-v-kollektivnoi-identichnosti-sotsialno-filosofskii-analiz> (Дата обращения: 21.10.2023)

Лиотар Дж.-Ф. The Postmodern Condition. Манчестер, 1984. https://monoskop.org/images/e/e0/Lyotard_Jean-Francois_The_Postmodern_Condition_A_Report_on_Knowledge.pdf. (Дата обращения: 21.10.2023)

Окада А. Киришитан Батэрэн (Японские католики). Токио.1955

Павленко Н. В. Дуализм образа чужого в японской культуре: от демонического к божественному. Журнал фронтальных исследований. №4. 2018. 147-168 с. <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-obraza-chuzhogo-v-yaponskoy-kulture-ot-demonicheskogo-k-bozhestvennomu> (Дата обращения: 22.10.2023)

Пиккерин М. Стереотипизация: политика репрезентации. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, 2001.

Полосин Н.Н. Роль культурной антропологии в развитии теории межкультурных коммуникаций. Культурная жизнь Юга России. 2012. 12-14 с. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kulturnoy-antropologii-v-razvitii-teorii-mezhkulturnyh-kommunikatsiy>

Сайкенева Д. «Свой» – «чужой» как предмет мифопоэтической семиотизации в казахской культуре. Языки казахской культуры. 2023. 247-289 с.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура. 1939.- 567 с.

Такеучи Т. (Ницый). (Н. М. Этнология), ред.) Токио:Нихон Сякай Минзоку Дзитэн (Социально-этнографический словарь Японии). 1960. <https://jfs.today/index.php/jfs/article/view/11/11> (Дата обращения: 24.10.2023)

Фельде В. Оппозиция «свой-чужой» в культуре. 2015.

<https://www.dissercat.com/content/oppozitsiya-svoi-chuzhoi-v-kulture> (Дата обращения: 23.10.2023)

Харви Д. Состояние постмодернизма. Кембридж (МА)-Оксфорд (Великобритания), 1991. https://ideas.repec.org/a/cup/apsrev/v96y2002i01p182-183_31.html (Дата обращения: 25.10.2023)

Харле В. Враг с тысячью лиц: традиция Другого в западной политической мысли и истории. Вестпорт, Конн., 2000

Хоригучи С. Синобу дзэнсю (Полное собрание сочинений Оригучи Синобу) (т. 1,2,7). Токио. 1975. [file:///C:/Users/aliya/Downloads/Honbun-7749%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/aliya/Downloads/Honbun-7749%20(3).pdf) (Дата обращения: 25.10.2023)

Шаймердинова Н. «Свой и «чужие» в древнетюркских рунических текстах. 2023.1-14 с. <https://cyberleninka.ru/article/n/svoi-i-chuzhie-v-drevnetyurkskih-runicheskikh-tekstah> (Дата обращения: 2.10.2023)

Шапинская Е. Проблема Другого в современной культуре и культурологии. Российский институт культурологии. 2009. <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drugogo-v-tekstah-kultury-politika-reprezentatsii-okonchanie> (Дата обращения: 20.10.2023)

References:

Bisharova S.G. Sintoistskiye osnovy traditsionnoy yaponskoy kultury. Novosibirsk – 2006. 3-27 s. <https://www.dissercat.com/content/sintoistskie-osnovy-traditsionnoi-yaponskoi-kultury> (Data obrashcheniya: 10.09.2023)

Burgen V. Konets teorii iskusstva: Kritika i postmodernizm. Atlantic Highlands, NJ, 1986. S. 108.

Gerd A.S. Vvedeniye v etnolingvistiku. SPB.: Izd-vo S.-Peterburg. 2001. 488 s.

Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera cheloveka. L.: izd-vo Leningr. Un-ta. 1989. 496 s.

Dubossarskaya M.L. Svoy-chuzhoi: k postanovke problemy. Gumanitarnoye znaniye: teoriya i metodologiya. 2009-№4. 49-55 s. <https://cyberleninka.ru/article/n/svoy-chuzhoi-drugoy-k-postanovke-problemy> (Data obrashcheniya: 10.09.2023)

Yoshida T. Misticheskoye vozmezdiye, obladaniye dukhom i sotsialnaya struktura v yaponskoy derevne. Etnologiya, tom 6 (№ 3), 1967. 237-262 с.

Kadzi C., Khama T, Rays Dzh. Eti strannye yaponsy. Moskva: Egmont Rossiya Ltd., 1999. - 72 s.

Kin S. Litsa vraga: otrazheniya vrazhdebnogo voobrazheniya. San-Frantsisko. 1986.

Kurnayeva N.A. Svoi i chuzhiye v kollektivnoy identichnosti: sotsialno-filosofsky analiz. 2006. <https://www.dissercat.com/content/svoi-i-chuzhie-v-kollektivnoi-identichnosti-sotsialno-filosofskii-analiz> (Data obrashcheniya: 21.10.2023)

Liotar Dzh.-F. The Postmodern Condition. Manchester, 1984. https://monoskop.org/images/e/e0/Lyotard_Jean-Francois_The_Postmodern_Condition_A_Report_on_Knowledge.pdf. (Data obrashcheniya: 21.10.2023)

Okada A. Kirishitan Bateren (Yaponskiye katoliki). Tokio.1955

Pavlenko N. V. Dualizm obraza chuzhogo v yaponskoy kulture: ot demonicheskogo k bozhestvennomu. Zhurnal frontirnykh issledovany. №4. 2018. 147-168 s. <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-obraza-chuzhogo-v-yaponskoy-kulture-ot-demonicheskogo-k-bozhestvennomu> (Data obrashcheniya: 22.10.2023)

Pikkerin M. Stereotipizatsiya: politika reprezentatsii. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, 2001.

Polosin N.N. Rol kulturnoy antropologii v razvitiy teorii mezhkulturnykh kommunikatsy. Kulturnaya zhizn Yuga Rossii. 2012. 12-14 s. <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kulturnoy->

antropologii-v-razviti-teorii-mezhkulturnyh-kommunikatsiy

Saykeneva D. Cvoy» – «chuzhoj» kak predmet mifopoeticheskoy semiotizatsii v kazakhskoy kulture. Yazyki kazakhskoy kultury. 2023. 247-289 s.

Taylor E. B. Pervobytyaya kultura. 1939.- 567 s.

Takeuchi T. (Nishchy). (N. M. Etnologiya), red.) Tokio:Nikhon Syakay Minzoku Dziten (Sotsialno-etnografichesky slovar Yaponii). 1960. <https://jfs.today/index.php/jfs/article/view/11/11> (Data obrashcheniya: 24.10.2023)

Felde V. Oppozitsiya «svoy-chuzhoj» v kulture. 2015. <https://www.dissercat.com/content/oppozitsiya-svoi-chuzhoi-v-kulture> (Data obrashcheniya: 23.10.2023)

Kharvi D. Sostoyaniye postmodernizma. Kembridzh (MA)-Oksford (Velikobritaniya), 1991. https://ideas.repec.org/a/cup/apsrev/v96y2002i01p182-183_31.html (Data obrashcheniya: 25.10.2023)

Kharle V. Vrag s tsysyachyu lits: traditsiya Drugogo v zapadnoy politicheskoy mysli i istorii. Vestport, Konn., 2000

Khoriguchi S. Sinobu dzensyu (Polnoye sobraniye sochineny Origuti Sinobu) (t. 1,2,7). Tokio. 1975. [file:///C:/Users/aliya/Downloads/Honbun-7749%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/aliya/Downloads/Honbun-7749%20(3).pdf) (Data obrashcheniya: 25.10.2023)

Shaymerdinova N. «Svoi i «chuzhiye» v drevnetyurkskikh runicheskikh tekstakh. 2023.1-14 c. <https://cyberleninka.ru/article/n/svoi-i-chuzhie-v-drevnetyurkskikh-runicheskikh-tekstah> (Data obrashcheniya: 20.10.2023)

Shapinskaya Ye. Problema Drugogo v sovremennoy kulture i kulturologii. Rossysky institut kulturologii. 2009. <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drugogo-v-tekstah-kultury-politika-reprezentatsii-okonchanie> (Data obrashcheniya: 20.10.2023)

¹ Ошакбаева А.Б. ²Шаймердинова Н.Г.

^{1,2}Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан
E-mail: ¹aliyaoshakbaeva@gmail.com, ²nurila1607@mail.ru

МӘДЕНИ АНТРОПОЛОГИЯДАҒЫ «ӨЗІНДІК» ЖӘНЕ «ЖАТ» МӘСЕЛЕСІ

Аңдатпа. Мақалада мәдени антропология контекстіндегі «өзіндік және жат» мәселесінің зерттелуі көрсетілген. Мақаланың жаңалығы – қазақ пен жапон мәдениетін салыстыру призмасы арқылы «өзіндік және жат» оппозициясын талдау. Зерттеудің міндеттері – бұл мәселені әлемдік тарихи процестер ағымындағы қоғамның әртүрлі топтары арасындағы әлеуметтік-мәдени қарым-қатынастарды, сәйкестілік пен өзара әрекеттесуді зерттеудің маңызды аспектісі ретінде қарастыру. Бұл зерттеудің мақсаты – «өзіндік» және «жат» қазақ және жапон халықтары туралы түсініктердің қалыптасуының этникалық, аумақтық, әлеуметтік, діни және мәдени аспектілеріне терең шолу жасау. Бұл мақалада мәдени-антропологиялық, тарихи-салыстырмалы әдістер, құрылымдық талдау сияқты жалпы ғылыми әдістер қолданылды. Осы мақалада келтірілген нәтижелер әртүрлі мәдени ортадағы «өзіндік» және «жат» өзара әрекеттесуін жан-жақты түсіну қажеттілігін көрсетеді. Бұл түсіну әртүрлі әлеуметтік-мәдени инклюзияны қабылдауға жәрдемдеседі, неғұрлым инклюзивті және толерантты қоғамның дамуына ықпал етеді және әртүрлі топтар арасындағы қарым-қатынастарды қалай тиімді басқару керектігі туралы түсінігімізді жақсартады.

Түйін сөздер: өзіндік және жат, мәдени антропология, универсализм, мәдениетаралық коммуникация, салт-дәстүрлер, қазақ мәдениеті, көшпелі өмір салты, Жапония, жапон мәдениеті, шетелдік.

¹Oshakbayeva A.B. ²Shaimerdinova N.G.

^{1,2}L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
E-mail: ¹aliyaoshakbaeva@gmail.com, ²nurila1607@mail.ru

THE PROBLEM OF «IDENTITY» AND «ALIANATION» IN CULTURAL ANTHROPOLOGY

Abstract. The article is an analysis and research of the problem of “identity and alianation” in the context of cultural anthropology. The novelty of the article is the analysis of the opposition “own-others” through the prism of comparison and contrast of Kazakh and Japanese cultures. The objective of this study is to consider this issue as an important aspect of the study of socio-cultural relationships, identity and interaction between different groups of society in the flow of world historical processes. The purpose of this study is to conduct an in-depth review of ethnic, territorial, social, religious and cultural aspects of the formation of perceptions of “their own” and “strangers” of Kazakh and Japanese peoples. In this article general scientific methods such as cultural-anthropological, historical-comparative method, also structural analysis were used. The results presented in this article emphasize the need for a comprehensive understanding of the interaction between “their own” and “outsiders” in different cultural settings. This understanding will help promote the acceptance of diverse sociocultural integration, contribute to the development of a more inclusive and tolerant society, and improve our understanding of how to effectively manage relationships between different groups.

Keywords: identity and alianation, cultural anthropology, universalism, intercultural communication, rituals and traditions, Kazakh culture, nomadic way of life, Japan, Japanese culture, foreign.

Авторлар туралы мәлімет:

Ошакбаева Әлия Болатқызы, PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

Шаймердинова Нурилла Габбасовна, филол.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

Информация об авторах:

Ошакбаева Алия Болатқызы, PhD докторант, Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Шаймердинова Нурилла Габбасовна, д.филол.н., профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Information about authors:

Oshakbayeva Aliya Bolatkyzy, PhD doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Shaimerdinova Nurilla Gabbasovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.